

УДК 821.111

ЖЕНЩИНЫ ПИСЬМА: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

А.И. Кривоносова

Тверской государственной университет, Тверь

В статье исследуется художественная деталь как инструмент усмотрения диалога между произведениями писательниц XX века. Деталь, являясь актуализатором эстетического и психологического потенциала, функционирует в открытых и закрытых текстах, помогая усмотреть идеостиль автора, пробуждая в интерпретаторе стремление к саморефлексии и творческому сотрудничеству. Как средство прямой номинации, деталь наполняет и объединяет тексты, определяя жанр и создавая прецедентный приём.

Ключевые слова: художественная деталь, эстетика, психологизм, интертекстуальность, готическая литература, феминистская литература, открытые и закрытые тексты.

Целью исследования является изучение роли художественной детали в тексте как средства освоения содержательности. Наша гипотеза состоит в том, что художественная деталь, как инструмент с функцией усмотрения интертекстуальности, функционирует в открытых и закрытых текстах, актуализируя эстетический и психологический потенциал произведений женщин-писательниц XX в. Материалом для исследования послужили работы В. Вульф, Д. Дюморье и А. Кристи.

Художественная деталь, представленная стилистическими приёмами или в тесной связи с ними, создаёт яркие образы персонажей, событий, проводит параллели, аллюзии и противопоставления. Она создаёт механизм порождения смыслов текста при помощи цветовых и ономастических деталей-символов. Деталь не статична и подвержена изменениям, отсылая к имплицитности глубинного смысла. Это является важным условием при интерпретации психологических текстов, т.к. схожие понятия проявляются именно в имплицитных деталях, как внутренних (мысли и чувства героев), так и внешних (слова, поступки).

Эстетический потенциал детали является результатом образного и индивидуального отражения в ней действительности. Деталь – это эстетически значимый инструмент при интерпретации текста. Функциональная направленность детали стремится к «овнешнению» внутренних процессов, а интериоризация и экстериоризация образуют дихотомию или диалогичность как внутри самого текста, так и в его взаимоотношении с прочими «внетекстами» [8].

В произведениях определённого автора могут устанавливаться отношения семантической эквивалентности: схожесть структур произведения, синонимичные концепты, принцип построения композиции, использование определённых деталей выраженных схожими стилистическими средствами. Отношения, возникающие между текстами одного автора, аналогичны отношениям, возникающим между текстами разных авторов [4]. Такая интертекстуальность помогает реципиенту распредмечивать и добавлять новые смыслы к интерпретируемому тексту, а детали создают проторенные дорожки для прогулок-вылазок как внутри текстов одного автора, так и во «внешние» тексты [9].

Интертекстуальная компетенция читателя помогает различать «открытые» и «закрытые» тексты. «Закрытые» тексты предназначены для «среднестатистического» читателя и нацелены на вызывание определенных реакций [9]. Этот тип текста можно сравнить с «текстом-удовольствием», приносящим удовлетворение, вызывающим эйфорию, идущим от культуры и связанным с практикой приятного чтения [2]. Читатель будет получать удовольствие от описания знакомых вещей, событий, типичных схем, получая от этого успокоение, например, детективы А. Кристи, описывающие полюбившихся всем персонажей, их причуды, привычки или отличительные черты, переходящие из одного текста в другой. Реципиент, с удовольствием поглощая привычные детали, уже примерно знает, чем закончится произведение, да это и не важно, главное – получение удовольствия от самих привычных деталей и подробностей.

«Открытые» тексты предполагают множество интерпретаций, каждая из которых отличается от предыдущей. Перед читателем открываются лабиринты смыслов и замысловатые психологические маршруты, по которым автор водит своих читателей, расставляя ловушки и вовлекая в игру. Читатель не может использовать текст на свое усмотрение, а может только подчиниться правилам игры [9]. «Открытый» текст можно сравнить с «текстом-наслаждением», вызывающим чувство потерянности и дискомфорта, так как он заставляет читателя блуждать по лабиринтам смыслов и сталкиваться с новыми непривычными идеями. Такого рода текст расшатывает исторические, психологические и культурные устои реципиента [2]. Благодаря всей неоднозначности сообщение в таких текстах обретает творческий и эстетический потенциал, пробуждая авторефлексию (*autoriflessivo*) как самого читателя, так и эстетического сообщения [9]. К таким текстам можно смело причислить психологические произведения В. Вульф, Д. Дюморье и некоторые мистические рассказы А. Кристи, вызывающие у читателя чувство дискомфорта из-за неоднозначного и неклассического отношения к понятию гендера и антипатриархального обсуждения роли женщины и её жизни в современном обществе. В текстах писательниц обсуждается ряд социопсихологических проблем, рассматривающих новые и классические интерпретации психологизма. Их работы имеют много общих черт и интенций, которые можно идентифицировать благодаря наличию схожих деталей.

XX век знаменует две эпохи: модернизм и постмодернизм, пришедшие на смену реализму. Писатели этого времени вобрали и выразили в своем творчестве все характеристики беспокойного столетия революций и мировых войн. Период модерна, а позднее постмодерна связан с принятием радикальных традиций, включая марксизм, анархизм и появившийся структурный психоанализ З. Фрейда. Начинает происходить осмысление гендерного стереотипа, обсуждается роль женщины в разделении труда и её роли в обществе. В англоязычной литературе, особенно начиная с 60-х гг. анализируется концепция женственности, описывается психологический, сексуальный и расовый опыт женщин. Зарождается феминизм как социокультурное и общественно-политическое движение, отстаивающее идею равенства прав двух полов [1]. Исследования в области гендера способствуют усложнению понятия модернизма: появляются новые имена и интерпретации. Феминистская позиция писательниц критикует патриархальное доминирование в модернизме. В этот период предпочтение отдавалось мужчинам-писателям, при этом складывался стереотип о том, что именно благодаря мужчинам сформировалось модернистское направление в литературе [6].

Для начала стоит обратиться к корням литературного феминизма и началу обсуждения роли женщин и женщин-писательниц в литературе, а именно к готическому роману, зародившемуся в XVIII веке. Пейзаж классического готического романа отличается древними руинами, замками, заброшенными поместьями, подземельями с приведениями, таинственными садами и лесными чащами, на фоне которых происходили мистические события с нежной и беззащитной девицей в беде. Позднее появились женские готические тексты (сестры Бронте, М. Шелли, Э. Рэдклифф и др.). В своих романах писательницы впервые стали поднимать такие темы как социальность, сексуальность, мужские преступления и социальные табу. Обходя стороной типичный семейный сюжет, они позволяли себе критиковать мужскую власть, насилие, неравенство полов; выражать недовольство женщин патриархальным обществом.

В произведениях Д. Дюморье *Rebecca* [15], *Birds* [14] и рассказах А. Кристи *The Lamp* [11], *In a Glass Darkly* [10] присутствует ряд деталей-символов типичных для готического романа, которые входят в смежные семантические поля с родственными концептами, репрезентирующими значения *mystery, darkness, suspense, haste, fear: old / empty house, passages, ghosts, haunted, mirror / looking-glass, grey, footsteps, east wind, etc.* Многообразное повторение деталей придаёт тексту определенную мрачную тональность, которая определяет атмосферу и, соответственно, выступает жанрообразующим признаком [3].

Известно, что В. Вульф, как и Д. Дюморье вдохновлялась романами сестер Бронте. В её коротких рассказах можно найти изобразительные детали и детали-символы, характерные для готического жанра. Например, в рассказе *A Woman's College from Outside* это: *glass, reflection, shadow, blackness, mist, tunnel, nocturnal* [16]; в тексте *A Mark on the Wall* присутствуют детали: *tombs, melancholy, dark, midnight* [19]; схожие детали мы видим в произведении *The Lady in the Looking-Glass: looking-glass, empty house, shadow* [18]. Несмотря на мрачное название, рассказ *Haunted House*, повествует о любви и единении двух уже давно почивших людей. Писательница исследует тему поиска, борьбы и взаимоотношения полов. В рассказе описывается дом, по которому путешествуют два духа, не тревожащих протагониста, по мере их продвижения комнаты постепенно оживают. Действия приведений и протагониста-наблюдателя происходят как во сне, что непременно отсылает читателя к схожему отрывку из романа *Rebecca*, где главная героиня путешествует призраком по руинам поместья, своим присутствием оживляя дом. Эти тексты объединяет ряд аналогичных деталей. Интересен тот факт, что в тексте В. Вульф есть такая деталь, как *wood pigeons*, встречающаяся в романе *Rebecca*, где героини словно видят духов прошлого. Это может быть объяснено тем, что в некоторых культурах голуби символизируют души умерших, в самом тексте они могут олицетворять простоту, спокойствие и тоску по тому, что никогда не вернуть.

В. Вульф привносит в свои произведения новую «военную» готику, где присутствует нагнетание и ожидание неизбежных ужасов войны (*A Room of One's Own, A Society*). В произведениях Д. Дюморье, также присутствует завуалированная военная тематика, например, в описании природы, репрезентирующей беззащитность простых людей, особенно женщин и детей перед лицом войн, которые затевают мужчины. «Изобразительные детали, описывающие растения и птиц, а так же слова, подводящие к их описанию, образуют пересекающиеся семантические поля с концептами, выражаемыми словами *occupation, invasion* и *enemy*. Несомненно, эти слова можно объединить в одно большое поле с более универсальным концептом – *war*» [5: 66].

В романе *Rebecca* мы видим такие детали как: *struggle, enemy to grace, creep, marching in unison, crumpled heads, vanguard of the army, alien, prisoner, blood-red*; схожие детали присутствуют и в коротком рассказе *Birds: dead, mighty fleet, intense hunger, struggle, attack, blood*.

В. Вульф была уверена, что «за писательницами XIX века нет литературной традиции и нет матерей письма» [6: 284]. Писательницам современности «не от чего оттолкнуться в языке», а главную задачу женщин она видела в том, чтобы зажечь «факел в просторной палате, где до нее еще никто не бродил» [6: 284]. Она утверждала, что если копнуть глубже, то мы сможем вынести на поверхность индивидуальную память «озарение», «моменты бытия», что позволит творцу притронуться к коллективному знанию, воспоминаниям, что хранятся в комнатах, ритмах, объектах [12]. Реципиент опознаёт отсылки к прецедентному универсальному тексту, и деталь помогает ему в этом.

Предположительно по этой причине внимательный читатель, с достаточными энциклопедическими знаниями, легко может обнаружить диалог между текстами В. Вульф *Flush* и Д. Дюморье *Rebecca*. В обоих текстах поднимается тема низкого положения женщины в семье, где она приравнивается, а порой и стоит уровнем ниже породистой собаки. В романе *Flush* полно характерологических деталей выступающих в роли различных стилистических приемов, описывающих ситуацию, в которой у спаниеля больше свободы и любви, чем у его хозяйки [13: 81], о чём свидетельствуют примеры из текста: ...how many wives, slaves, horses, oxen, turkeys and gees – it is plain that the spaniel was already a dog of value and reputation» [17. С. 5]; «...hers was the pale worn face of an invalid, cut off from air, light, freedom. His was the warm ruddy face of a young animal; instinct with health and energy [17: 15].

Для Макса де Винтера из романа *Rebecca* юная жена была как глупый ребенок или любимый питомец, наравне с молодым спаниелем Джаспером: He stroked my hand absently, not thinking, talking to Beatrice... I'm being like Jasper now, leaning against him. He pats me now and again, when he remembers, and I'm pleased, I get closer to him for a moment. He likes me in the way I like Jasper [15: 82].

В. Вульф в своем творчестве затрагивает комплекс неполноценности, так часто упоминаемый в текстах эпохи модерна. Так, в рассказе *New Dress*, мы встречаем героиню, которая чувствует себя некомфортно в новом платье. За этой, казалось бы мелочью, скрывается целая проблема: Мейбл беспощадно критикует себя, стесняется людей выше её по статусу. Она пытается вспомнить то чувство превосходства, что было в ней, когда она была девочкой, и как оно испарилось с возрастом, затрагивая психологическую проблему взросления и становления женщиной. Она могла бы гордиться собой и своей индивидуальностью, но гнетущее чувство стыда всегда брало верх. В рассказе можно разглядеть ономастическую деталь: фамилия Мейбл – Ворнинг (*Warning* – 'тревога, угроза, предостережение'). На протяжении всего рассказа читатель наблюдает внутренний конфликт и тревогу Мейбл из-за её неуверенности в обществе и чувстве неполноценности, что довольно иронично, ведь имя Мейбл (*amabilis*) в переводе с латинского означает «привлекательная, заслуживающая любви». Автор часто использует двойственные по своей природе цветовые детали: жёлтый и синий (*blue pool, blue sofa, blue like a smooth china egg, yellow dress, yellow button*) [20]. Жёлтый, с одной стороны, символизирует счастье и радость, с другой, трусость и психические заболевания. Синий цвет в литературе, с одной стороны, отражает спокойствие, расслабление и мир, но с другой – депрессию, печаль и угрюмость.

Для Д. Дюморье любимыми психологическими темами всегда были напряжение и противоборство полов, довлеющая власть прошлого героев над настоящим, внешняя обманчивость явлений. Знакомая с учениями З. Фрейда и К. Юнга она передаёт психологизм взаимоотношений героев, умело раскрывая в текстах комплекс неполноценности, чувство превосходства, Эдипов комплекс (комплекс Электры). Ее роман *Rebecca* ставит задачу изучить все проявления человеческой ревности, вбирая в себя причудливую комбинацию сюрреалистического сна, внутреннего монолога и подавленной сексуальности. Как и в произведении В. Вульф *Orlando* в тексте описывается баланс власти между мужчинами и женщинами. В центре романа безымянная героиня, неожиданно вступившая в брак с богатым вдовцом Максом де Винтером, который вдвое её старше. События разворачиваются в родовом поместье Мэндерли, где всё пронизано духом погибшей первой жены.

Каждый шаг молодой героини в новом доме отдаётся эхом покойной Ребекки, что постепенно начинает сводить её с ума: она чувствует Ребекку, слышит её голос. Безымянная борется со своей робостью и отчетливым осознанием своей неполноценности и неопытности по сравнению с первой женой. Изобразительные и характерологические детали, создающие образ девушки, напоминают описание ребенка, а ряд имплицитных деталей, присутствующих в мыслях героини, показывают её скромность, неуверенность и ревность к Ребекке из-за невозможности достигнуть её уровня: *schoolgirl, red-elbowed, lanky, feeling like a child, as a child, uneasy, shy, disturbed* и т. д. Эдипов комплекс ярко отражён во взаимоотношениях новоиспечённой супружеской пары. Рано лишённая любви отца, главная героиня находит защитника в лице нового мужа, спасающего её от тиранического и подавляющего материнского прообраза Миссис Ван Хоппер [7].

Итак, художественная деталь охватывает мир в его целостности, сцепляя сразу несколько текстов, объединяя их идеи, интенции и проблематику. Детали помогают связать ткань повествования, формируя индивидуальный стиль писателя и жанр произведения. Они путешествуют из одной книги в другую, становясь источником вдохновения для нового текста, функционируя как универсальный приём и указывая на отсылки к другим «внетекстам». Вместе с тем, использование художественной детали как инструмента при интерпретации текста зависит от личного тезауруса как реципиента, так и продуцента. Для полноценного использования такого инструмента, как деталь, необходимо учитывать тип текста (открытый / закрытый) и осознавать, в рамках какой эпохи и культуры было написано произведение, каковы правила «игры» установленные автором.

Список литературы

1. Агафонова Е.Е., Мещерякова Л.Ю. Феминизм и постмодернизм: к вопросу о теоретических основаниях гендерных исследований // Гендерные стереотипы в современной России. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 23–38.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Гусева Е.В. Художественная деталь как жанрообразующий признак // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14. № 2 (6). 2012. С. 1502–1508.
4. Индивидуальный стиль / URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html.
5. Кривоносова А.И. Когнитивное понимание текста через художественную деталь // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 36. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 159–164.

6. Трубникова Ю.Ю. Пути феминизации британского модернистского канона / URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/25412>
7. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 224 с.
8. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003. 222 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Издательство АСТ, 2016. 640 с.
10. Christie A. In a Glass Darkly / URL: <https://reader.bookmate.com/M1VfOoPh>.
11. Christie A. The Lamp / URL: <http://lingualeo.com/ru/jungle/the-lamp-agatha-christie-574087#/page/3>.
12. Marcus J. Art and Anger: Reading Like a Woman. Columbus: Ohio State University Press, 1988. P. 320.
13. Marder H. Feminism and Art: A Study of Virginia Woolf. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 190.
14. Maurier D. Birds / URL: <http://blessedsacramentcatholicschool.com/teachers/sehner/files/2012/08/The-Birds-Text.pdf>.
15. Maurier D. Rebecca / URL: http://www.e4thai.com/e4e/images/pdf/100BB_Cbooks/Rebecca.pdf.
16. Woolf V. A Woman's College from the Outside // Электронный ресурс Интернет: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200781.txt>.
17. Woolf V. Flush: A Biography / URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks03/0301041h.html>.
18. Woolf V. The Lady in the Looking-Glass / URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200781.txt>.
19. Woolf V. The Mark on the Wall // Электронный ресурс Интернет: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200781.txt>.
20. Woolf V. The New Dress / URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200781.txt>.

WOMEN OF LETTERS: AESTHETIC POTENTIAL AND PSYCHOLOGISM OF LITERARY DETAIL IN THE 20TH CENTURY LITERATURE

A.I. Krivososova

Tver State University, Tver

The article studies the role of literary detail as a tool of intertextuality uncovering functions in "open" and "closed" texts, actualizing the aesthetic and psychological potential of literature of the twentieth century. Owing to the details, which help to weave the fabric of the narrative forming the writer's ideology and the work's genres, it is possible to awake the interpreter to self-reflectivity and creative collaboration

Keywords: *literary detail, aesthetics, psychologism, intertextuality, feminist literature, gothic literature, open and closed texts.*

Об авторе:

КРИВОНОСОВА Александра Игоревна – аспирант, ассистент кафедры английского языка, Тверской государственный университет, e-mail: alekr88@yandex.ru